

НА ПРИГЛАСИТЕЛЬНОМ билете — три цифры: 70, 40, 35. И за каждой скрываются долгие годы напряженного творческого труда, раздумий, грез, радостей...

Большая и плодотворная жизнь за плечами у народного артиста РСФСР Николая Александровича Левкоева. Тысячи раз раскрывался занавес, и в сияющем свете огней рампы появлялся он на сцене в самых различных обликах, тысячи раз разговаривал со зрителями языком своего искусства на самые животрепещущие темы, тысячи раз, благодаря артиста, зрительный зал взрывался дружными и действительно бурными аплодисментами.

Николай Александрович — не только актер. Неоднократно выступал он в качестве режиссера, умной и опытной рукой направляя постановку по верному руслу. Он воспитал не один десяток молодых актеров, открыл перед ними двери в высокое искусство. Много лет он руководит местным отделением театрального общества.

...И вот перед нами пригласительный билет, свидетельствующий, что в понедельник горьковчане соберутся в театре драмы не для того, чтобы полюбоваться Левковым в новой роли, а для того, чтобы отметить 70-летие его жизни, 40-летие сценической, педагогической и общественной деятельности, 35-летие работы в Горьковском театре драмы.

Семидесятилетие? Да уж так ли? Не опечатка ли? Совсем недавно видели мы Николая Александровича в новых ролях, с молодым темпераментом воплощающего сложные и многогранные характеры. Совсем недавно он подал очередную заявку на роль, движимый по-молодому страстным желанием создать еще один образ...

Молодость души — вот самая характерная черта Левкоева. Сегодня, поздравляя Николая Александровича с наступлением знаменательной даты, мы нисколько не сомневаемся, что не раз еще встретимся с ним на сцене родного ему и нам Горьковского театра.

В РАБОЧИХ КЛУБАХ и Дворцах культуры, на вечерах и творческих встречах ко мне нередко обращаются с вопросом: «Каким путем я пришел на сцену?» Обычно говорю о давнем тяготении к искусству, о театральной школе, о любительских спектаклях. Говорю и думаю: нет, все-таки не здесь начало, это не первопричина, а результат. Начало было раньше, в детстве, когда в душе впервые зародилось желание лицедействовать.

Я помню себя с пяти-шестилетнего возраста. И главное, что сохранила память, — большой интерес к окружающим людям, животным, природе, пристальное внимание к манерам, походкам, голосам, поведению. Найду, бывало, укромный уголок и стараюсь изобразить увиденное. Изображал не только людей, но и животных, умел свистать соловьем, скворцом, синицей, иволгой.

Когда впервые увидел прародителя кукольного театра Петрушку, был просто потрясен. Но поразило меня не само представление, а умение актера — хозяина ширмы говорить разными голосами, преображаясь то в Петрушку, то в цыгана, то в собаку. Отныне быть не самим собой стало для меня потребностью.

Однажды, переодевшись в женское платье, повязав голубую платок скворешней, изменив походку и голос, пошел к соседям навеститься в няни. Обошел дворов пять, и никто не усумнился, что перед ними не девушка. Только дружный хохот товарищей, ходивших, разумеется, по пятам, сорвал эту игру.

Любил читать басни в лицах, особенно те, где было много диалогов.

С ТЕАТРОМ познакомился впервые лет двенадцати. Шла комедия Островского «Бедность не порок». Впечатление было таким сильным, что ни разу не сошел с места в течение всего спектакля, ожидая чего-то и в антрактах, может быть, потому, что играл военный оркестр.

Музыка, сцена, на ней живые люди, но не похожие на окружающих, а какие-то особенные, — все это поразило чрезвычайно. С того дня я дома стал актером, режиссером, драматургом. Одевал брата в женское платье и представлял с ним сцены из «Тараса Бульбы».

Не меньшее впечатление произвел цирк, куда я попал, собрав по копейке деньги, чтобы купить дешевый билет на галерку. Снова музыка, яркий свет, костюмы. Снова жизнь, не похожая на ту, какую я знал, — полууголовную, полухолодную, наполненную страхом за завтрашний день. Сказка, в которой живут необыкновенные люди — ловкие, сильные, красивые, веселые.

Назавтра я углем и лепестками от бумажных цветов сделал себе грим клоуна и принялся изводить домашних смехом Бима и Бома. В углу за домом натянул веревку и стал заниматься на трапеции.

В ГИМНАЗИЧЕСКИЕ годы я с товарищами организовывал кружок любителей — ставили легкие комедии, небольшие пьесы Островского, велили Чехова. В студенческом возрасте увлекался чтением с эстрады юмористических рассказов и сам писал. Руководил студенческим драматическим кружком.

Помню, как при получении аттестата об окончании гимназии преподаватель литературы сказал мне: вам надо идти на сцену, лицедействовать, там ваше место.

Но в то время у меня и мысли не было о работе в театре. Какой театр, когда дома семь человек, мал-мала меньше, а я — старший. Отец-вдовец тянет из себя жилы, чтобы прокормить эту ораву. Он был слесарем, имел мастерскую-лачугу. Уже с пятого класса гимназии мне пришлось давать уроки, чтобы помочь ему.

Путь в искусство

Н. ЛЕВКОЕВ,
народный артист РСФСР

ОКОНЧИВ ГИМНАЗИЮ, поступил на медицинский факультет Киевского университета. Киев после Тамбова, который, как известно, был тогда «на карте генеральной кружки» означен не всегда, показав мне особенно шумным, красивым. А главное: театры, во главе со знаменитым Соловцовским, где играли Кузнецов, Болховской, Юреньева, Шатрова, Рунчи.

И снова обучал меня театральный хмель. Просмотреть новый спектакль, не пропустить гастроли, поспорить, обсудить — вот что увлекало нас в те далекие годы. На масленицу, зимние святки и в пасхальную неделю репертуар объявлялся заранее. И мы выстаивали тысячные очереди с меловой цифрой на спине, с горячими булками в кармане.

И ВСЕ-ТАКИ мысли о театре, как профессии, еще не было. Только Октябрьская революция, опрокинувшая законы старой жизни, переоценившая все каноны, идеалы, идеи, позволила поступить в театральную школу, возглавлявшуюся профессором Сладкопевцевым. Было мне тогда 28 лет.

Через некоторое время я стал актером того самого театра, где восторгался игрою своих любимцев. Мне казалось это невероятным! Трудные, давние годы: нетопленая комната, сахарин, морковный чай, худые ботинки, копилка, руки в нарывах от холода и недоедания. Но жили взахлеб! Энергии — горы можно сдвинуть! Жизнь кипела — спектакли, концерты, дискуссии, диспуты...

Театральный Киев рождал много интересных событий. Чего стоил один только Константин Марджанов с его спектаклем «Овечий источник»! Мне посчастливилось играть со многими широкоизвестными актерами того времени: В. Н. Давыдовым, С. Л. Кузнецовым, Н. Н. Ходотовым, Н. М. Радиным, В. Л. Юреньевой. Их мастерство стало для меня образцом, идеалом. Моя учеба продолжалась.

С Кузнецовым довелось встречаться много раз, и всегда его талант давал что-нибудь новое.

Однажды, в антракте спектакля «Дама с камелиями», где я играл маленькую роль садовника, ко мне подошел Кузнецов. Он ласково прищурился, потрепал по плечу:

— Молодец!
— Что вы?! — смутился я. — Ролька-то короче воробьиного носа, что тут играть?

И вдруг Кузнецов даже в лице переменялся:
— Мальчишка! Вот из таких научишься делать бриллианты — тогда ты художник!

Эти слова запомнились на всю жизнь. Как бы ни мала была роль, я всегда старался вытянуть из нее все, что можно, и для этого не жалел ни времени, ни труда.

Меня тянуло к характерным ролям — с рельефными чертами, острыми положениями.

В КИЕВСКОМ ТЕАТРЕ произошла первая встреча с Н. И. Соболевским-Самариным. Она была, к сожалению, недолгой. Николай Иванович привез группу актеров из Одессы, и мы, молодые киевские актеры, играли мало. Сидеть, сложив руки, мне никогда не нравилось, и пришлось решение: поискать счастья в Житомире, где открывалось новое дело.

Соболевский-Самарин по этому поводу сказал:

— Поезжайте! Если вы настоящий артист — вы только закалаетесь, нарабатаете репертуар.

Так пришлось мне стать актером-сезонником. И замесили города: Житомир, Одесса, Орел, Чернигов... Из Чернигова по приглашению Соболевского-Самарина перебрался в Нижний Новгород. Снова встретился с Николаем Ивановичем, теперь уже надолго...

ВОТ УЖЕ 35 ЛЕТ, как я работаю на сцене Горьковского театра драмы — ровно полжизни. Здесь я рос, по крупицам накапливал мастерство, здесь определялись мои взгляды, утверждалось мировоззрение. Все это происходило на глазах старших товарищей, давших мне очень многое, — З. Н. Зорич, А. П. Хованского, А. Г. Георгиевского, И. А. Словнова, С. В. Юреньева, П. Д. Муромцева, на глазах моих друзей — М. М. Белоусова, Т. П. Рождественской, А. М. Стрижевой. И сегодня я с особой теплотой и благодарностью вспоминаю имена тех, кто помог мне выработать в себе настоящую требовательность, уважение к своей профессии, кто настойчиво и кропотливо помогал мне совершенствоваться. — Е. А. Брилли и неизменного наставника и руководителя Н. И. Соболевского-Самарина, с кем моя театральная жизнь была связана долгие годы, чье имя у меня ассоциируется с самим понятием «театр».

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ — это много. Полжизни. Сколько прожило, сколько пережито. Были радости, были и огорче-

ния, были взлеты, были и падения. Такова жизнь. Не без этого. Главным мне представляется другое: работа шла с полной отдачей сил, умения и любви! В большом волнении, в беспокойстве, в стремлении сделать лучше, еще лучше! Это давало большое удовлетворение.

И МОЛОДЫМ СКАЖУ: труд и прежде всего — труд! Только при условии напряженного труда расцветает дарование, только при нем созреет талант!

Существует мнение (к

счастью, отмирающее), что актеры легко живут, их труд — забава, игрушка. Так может думать только невежда. Актер, если он настоящий, разумеется, работает много, всегда, всюду — и на сцене и в жизни. Он просыпается с мыслью о роли и ложится спать с мыслью о роли. И успевает нести, как правило, большие общественные обязанности. Помощь подшефным школам, больницам, клубам, колхозам, помощь художественной самодеятельности. Воспитание молодежи...

Последнее дает особое удовлетворение. Через мои руки прошло много сотен молодых актрис и актеров. Они работают сейчас во всех концах страны, многим присвоены почетные звания. Разве не радостно мне это сознавать? Разве это не награда мне за труд и заботу?

И ЕЩЕ ОБ ОДНОМ хочется сказать мне — о зрителе. Глубоко признателен я родным горьковчанам, зрителям, строгим и взыскательным, но добрым и любящим. Как часто доводилось черпать силу и уверенность из зала, из суждений зрителей, как часто приходилось пересматривать свою работу, получая сигналы от зрителей.

Горьковский зритель — подлинный патриот своего театра, он знает и любит своих актеров и режиссеров. Он — друг театра. Работать для него легко и радостно.

И если бы случилось чудо, позволяющее начать жизнь снова, — я не выбрал бы иного пути: я бы еще раз отдал все силы своему театру, искусству, народу.

НА СНИМКАХ: 1. «Человек с ружьем». В роли В. И. Левина — Н. А. Левкоев. 2. Н. А. Левкоев — Расплюев («Свадьба Кречинского»).

